

плательщиком). Навыки посредничества необходимы всем тем, кто в силу своей профессиональной деятельности или должностной позиции вынужден в той или иной форме брать на себя функции регулирования отношений между людьми.

Цель исследования – изучение взаимосвязи между коммуникативной компетентностью юристов налоговых органов и выбором стратегии поведения в конфликтной ситуации.

В исследовании приняли участие 25 юристов налоговых органов в возрасте 24–48 лет. Диагностика проводилась с применением следующих тестов и методик: К. Томаса, КОС-1, «Незаконченное предложение», ДМО Т. Лири, ОМО Шутца, Макиавелизм и двух анкет.

Исследование показало, что высокие коммуникативные способности связаны с высокими организаторскими способностями юристов.

В зависимости от степени коммуникативных способностей юристы выбирают стратегию поведения в конфликте. Так, чем выше уровень коммуникативных способностей юристов налоговых органов, тем чаще они выбирают стратегию соперничества в конфликтах. Чем ниже коммуникативные способности – тем чаще выбирают стратегию избегания конфликтов. Кроме того, высокий уровень коммуникативных способностей благоприятно влияет на отношения с коллегами.

В целом из пяти корреляций, превышающих 5 % -й уровень значимости, только одна является отрицательной. Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что уровень коммуникативной компетентности юристов налоговых органов влияет на всю их профессиональную деятельность.

Коммуникативность работника налогового органа может пониматься как сложившееся актуальное умение использовать свои формально-функциональные возможности в общении (экспрессия, то-

нально-голосовые данные). *Коммуникабельность* же следует понимать как владение общими предпосылками легкости в установлении контакта в общении (социальная нормативность, адаптивность и гибкость, направленность на сотрудничество и т. д.) [1; 4].

Анкетирование показало, что абсолютно все юристы налоговых органов желают повысить свои коммуникативные способности, а также пройти специальную подготовку по получению навыков эффективного поведения в конфликтах.

Внимательный анализ коммуникативной компетентности и поведения в конфликтах, возникающих в процессе трудовых отношений юристов налоговых органов, будет способствовать выработке практических путей и конкретных направлений деятельности налоговых органов по дальнейшему совершенствованию профессионального общения с участниками экономической деятельности.

Вышеперечисленные данные являются предварительными в силу малочисленности выборки.

Литература

1. Горячева, М. А. Некоторые теоретические проблемы психологии профессионального общения сотрудников таможенных органов / М. А. Горячева // Инновации в образовании. – 2003, – № 3. – С. 102–113.
2. Климов, Е. Л. Образ мира в разнотипных профессиях / Е. Л. Климов. – М., 1995.
3. Мириманова, М. С. Практическая психология для налоговой службы / М. С. Мириманова. – М., 2000.
4. Лабунская, В. А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание / В. А. Лабунская. – Ростов-на Дону, 1999.

УДК 159.955:9.010

В. А. Мальцев

КРЕАТИВНАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ДАННОСТЕЙ

Креативность является неотъемлемой стороной психотерапевтического процесса. Основная задача психотерапии заключается в актуализации творческого потенциала клиента, что позволяет ему лучше адаптироваться к окружающей действительности – гештальтподход, личностно расти – гуманистический подход, разрешить конечные данности бытия – экзистенциальный подход, развивать самость – аналитический подход К. Юнга. Таким образом, использование креативности имеет большие возможности. Поэтому основным стержнем креативной психотерапии является развитие креативности клиента.

Человек больше тяготеет к стандартному подходу в жизни, хочется, чтобы все было предсказуемо и безопасно, а значит и некреативно. Мне нравится в этом аспекте понятие «ригидность», то есть стремление использовать проверенные способы решения задач, которые уже устарели давным-давно, но все

равно используются человеком. Понятно, хочется, чтобы мир был ясен и непроблемен. Поэтому, если человек не идет к психологу, он идет в секту, которая дает ему однозначный ответ на непростые вопросы бытия. Проведенные исследования В. Н. Дружининым и Н. В. Хазратовой хорошо проиллюстрировали это. Очень часто людям не нужна креативность, также как им не нужна свобода, независимость. Креативность создает трудности. Становится сложно смотреть на неоднозначный мир, понимая его проблемность. Стыдно за неиспользованный потенциал. Окружающие начинают коситься и одергивать, чтобы не лез «вперед батьки в пекло», страх критики – как много креативных идей и начинаний он загубил. Получается, что при развитии креативности человек выходит за границы своего существования и, как правило, остается один с этим, а ведь так хочется спрятаться, как премудрый

пескарь и не высовываться. Выход за границы создает ситуацию дезадаптации, что вызывает не очень приятные чувства [1, с. 17-232].

Все как в ходе психотерапии: клиент выходит за границы своего ничтожного бытия, и ему становится страшно, и тут возникает его величество «сопротивление». У него два направления: вернуться обратно, либо, побыв в состоянии фрустрации, растерянности, двинуться дальше. Однако процесс этот не восходящий, а скорее – «то взад, то вперед». Поэтому один день клиент радует психолога, а другой – огорчает. Сразу возникает вопрос о сроках прохождения психотерапии. Краткосрочная терапия не всегда позволяет актуализировать творческий потенциал, а только лишь наметить пути. Но в некоторых случаях даже она помогает клиенту. Но все же процесс изменения человека длительный. Иногда смотришь на одного клиента и радуешься за него, у него точно все получится, а вот другой клиент кажется безнадежным. Почему возникает такое ощущение? Все дело, на мой взгляд, в готовности клиента расширить границы своего бытия, то есть рисковать. Говоря словами Ролло Мейя, «мужество творить – это способность бросить вызов самому себе в первую очередь» [2].

Можно выделить два вида креативности: ситуативную и глубинную. Как отмечает В. Н. Дружинин, в ходе тренировки можно повысить ситуативную креативность, которая позволяет решать задачи одного типа, пускай сначала они кажутся трудными и сложными, но, набив руку, мы начинаем их «щелкать, как орешки» [1, с. 219-220]. Тогда наша ситуативная креативность превращается в элементарную ригидность. Очень часто, например, при подготовке психолога тоже формируется ситуативная креативность, тебя обучают тому, как надо вести себя с клиентом при первой встрече, что надо ему говорить при последней, как себя вести, когда клиент уходит из психотерапевтической группы и т. д. И вот новоиспеченный психолог начинает применять эти приемы без учета контекста психотерапевтической ситуации, да и кто ему передаст этот контекст, с каждым клиентом он уникален. Начинает применять знания, которым его учили, причем часто те учителя, которые не имеют опыта психотерапевтической работы. И что? Эффекта нет, и тогда новичок отбрасывает к черту все эти приемы, техники и делает то, что подсказывает ему интуиция. Результат: ему удастся помочь безнадежным клиентам, с которыми бились светила психотерапии. Как говорят в быту, «новичкам или дуракам везет». Если рассмотреть этот интересный феномен, то выходим на такое понятие, как «глубинная креативность». Это то, чему эксплицитно не учат в школе, институте, а что приобретается имплицитно. К сожалению, вся система обучения построена по принципу эксплицитного обучения. Как говорил Я. Морено, в ходе социализации нас пичкают «консервами», то есть готовыми знаниями [3, с. 147]. Готовые знания заглатываются, но не пережевываются, если говорить на научном языке, интроецируются, но не интернализируются. Как отмечает М. Эриксон, «наша система образования до сих пор не умеет или почти не

умеет тренировать и проверять способность индивидуума использовать собственную уникальную матрицу поведения и ассоциативные процессы, несмотря на то, что эта внутренняя способность есть сама суть креативности и развития личности» [6, с. 35].

Развитие глубинной креативности является основным ядром креативной психотерапии. Но для развития глубинной креативности от клиента необходимо мужество творить. Мужество творить выводит нас на экзистенциальное поле бытия в мире, так как мы бросаем вызов не только себе, но и окружающему миру. Вызов этот направлен на экзистенциальные данности. Под экзистенциальными данностями И. Ялом подразумевает «определенные конечные факторы, являющиеся неотъемлемой, неизбежной составляющей бытия человека в мире» [9, с. 12]. Эти данности можно назвать конечными, сюда входят *смерть, свобода, изоляция и бессмысленность*.

Смерть. Это слово вызывает разные чувства у человека. Чаще негативные, чем позитивные. «Не чешите там, где не чешется», – советовал великий Адольф Мейер поколению будущих психиатров [цит. по 9, с. 35]. Отличный аргумент против того, чтобы интересоваться, как относятся к смерти клиенты. На одной из своих психотерапевтических групп, когда я попросил одну клиентку обрисовать свою жизнь от начала и до конца, все было хорошо, пока мы не подошли к смерти. Мы стали с ней подробно обсуждать в каком возрасте она умрет, где будет похоронена, какой у нее будет памятник, что будет написано на нем. В группе установилась тишина, одна участница не выдержала и сказала, чтобы мы прекратили это, иначе она сейчас мне врежет. Я решил не развивать эту тему, так как у нас был тренинг креативности. Хотя потом я стал думать об этом, почему на тренинге креативности всплыла тема смерти. И тут я наткнулся на изречение М. Хайдеггера о том, что «идея смерти оберегает человека... сознание предстоящей личной смерти побуждает нас к переходу на более высокий модус существования». Он выделял два модуса существования в мире: 1) состояние забвения бытия, 2) состояние сознания бытия [цит. по 9, с. 36].

Состояние забвения бытия выражается в том, что человек уходит в мир вещей, достижений, социального успеха, превосходства, забывая, что смертен. В могилу он все это не заберет. Хотя фараоны Египта пытались осуществить эту идею.

Состояние сознания бытия позволяет человеку лучше понять себя, вести себя более аутентично. Есть известный прием в психотерапии по определению того, находимся ли мы в этом модусе. Представьте, что вам поставили диагноз рак крови, который быстро прогрессирует, и жить вам осталось один год. Что вы сделали бы в этот последний год своей жизни? Если бы отбросили все то, к чему вы стремились, за что держались, значит, вы больше проживали, чем жили. Находясь в этом модусе, просыпается мужество творить. Не надо больше обманывать себя, бежать от смерти, бояться, что тебя не примет и осудит общество, если ты будешь

жить аутентичной жизнью. Все это снимает оковы с клиента, психолога. Можно рисковать, попробовать делать то, о чем мечтал. И тогда клиент меняет опостылевшее место работы, спутника жизни, надоевших и ненужных друзей. А психолог отказывается от общепризнанных парадигм в психотерапевтической работе [8, с. 870-901]. И тот, и другой, благодаря креативности, улучшают качество своей жизни. Однако подлинное осознание смерти, на наш взгляд, способствует мужеству творить.

Свобода. В отличие от смерти это слово чаще носит позитивно окрашенный оттенок, хотя и связано со смертью. Сколько было пролито крови за свободу народа. Только вопрос до сих пор открытый: «нужна ли свобода народу? Может, лучше комфортная, материальная зависимость от батюшки царя?» Поэтому, когда клиент говорит мне: «Я пришел на Ваш тренинг, чтобы найти работу». Я спрашиваю: «А что Вам мешает это сделать?». Он отвечает мне: «Не могу». Я прошу его слово «не могу» заменить на слово «не хочу». И он понимает, что действительно этого не хочет. Как приятно спрятаться за словом «не могу». Поэтому свобода подразумевает под собой ответственность за свои действия. Понятие «свобода», если попытаться посмотреть на это шире, позволяет нам конституировать окружающий мир. Два человека смотрят в одно и то же окно, один видит грязь, другой видит звезды. Вот она – ее величество феноменология. Мы сами делаем мир прекрасным, либо уродливым. Мы сами делаем себя счастливыми, либо несчастными. Проявляя свободу, мы проявляем креативность. Когда клиент говорит, что ситуация его безнадежна, я говорю ему, что он сам это так сконструировал, как только мы выходим с клиентом за пределы заданного, мир и он сам видятся другими. Без свободы креативность будет скованна, и результат психотерапии будет ничтожным. В свою очередь, развивая креативность, мы приобретаем свободу бытия.

Изоляция. Можно выделить три типа изоляции: межличностная, внутриличностная и экзистенциальная. Межличностная обычно переживается как изоляция от других людей, то есть одиночество. Внутриличностная изоляция – это процесс вытеснения (или диссоциации) определенных частей своей личности. Экзистенциальная изоляция – это отдаленность индивида от мира. Ощущение изоляции тяжело переносится человеком. Поэтому мы находим различные средства для преодоления этого. Я считаю наиболее эффективным использование творчества для преодоления отчужденности от мира. Ведь именно в творчестве человек соединяется с собой и миром. В этом преимущество активизации креативности в ходе психотерапии, мы даем клиенту возможность почувствовать себя полноценным субъектом бытия.

Бессмысленность. Вопрос бессмысленности существования всегда мучил человека. Зачем мы пришли в этот мир? Как отмечает К. Юнг, особенно остро этот вопрос встал в 20 веке, так как было разрушено мифологическое сознание человека, которое включало в себя веру в высшие силы, в другой сверхмир. К. Юнг пишет: «Среди так называемых

невротиков есть много людей, которые, если бы родились раньше, не были бы невротиками, то есть не ощущали бы внутреннюю раздвоенность. Живи они тогда, когда человек был связан с природой и миром своих предков посредством мифа, когда природа являлась для него источником духовного опыта, а не только окружающей средой, у этих людей не было бы внутренних разладов. Я говорю о тех, для кого утрата мифа явилась тяжелым испытанием и кто не может обрести свой путь в этом мире, довольствуясь естественнонаучными представлениями о нем, причудливыми словесными спекуляциями, не имеющими ничего общего с мудростью» [7, с. 147]. Я бы назвал людей, потерявших смысл, «мифологическими невротиками». Если психотерапевт сталкивается в своей работе с мифологическим неврозом, необходимо обратиться к его творческому потенциалу. Так как его актуализация выводит нас на мифологический уровень. Если говорить словами Юнга, «при творчестве запускается наше коллективное бессознательное (архетип – тень), которое помогает нам использовать опыт всего человечества» [5, с. 202]. Именно использование коллективного опыта помогает клиенту избавиться от мифологического невроза или, говоря языком экзистенциальной психологии, – невроза существования, либо ноогенного невроза [4].

Таким образом, креативная психотерапия плотно связана с экзистенциальными данностями, причем связь эта имеет определенные особенности: 1) креативность помогает разрешать такие данности, как изоляция и бессмысленность; 2) смерть актуализирует мужество творить; 3) свобода, с одной стороны, влияет на развитие креативности, но, с другой стороны, сама креативность помогает обрести человеку свободу.

Литература

1. Дружинин, В. Н. Психология общих способностей / В. Н. Дружинин. – СПб.: Питер, 2002. – 366 с.
2. Мэй, Р. Мужество творить: очерк психологии творчества / Р. Мэй. – Львов: Инициатива; Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2001. – 128 с.
3. Рудестам, К. Групповая психотерапия / К. Рудестам. – СПб.: Питер, 2001. – 384 с.
4. Франкл, В. Психотерапия на практике / В. Франкл. – СПб.: Речь, 2001. – 256 с.
5. Хьелл, Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб.: Питер, 2003. – 608 с.
6. Эриксон, М. Гипнотические реальности: Наведение клинического гипноза и формы косвенного внушения / М. Эриксон, Э. Росси, Ш. Росси. – М.: Класс, 2003. – 352 с.
7. Юнг, К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления / К. Г. Юнг. – Мн.: Харвест, 2003. – 496 с.
8. Ялом, И. Психотерапевтические истории / И. Ялом. – М.: Эксмо, 2004. – 1216 с.
9. Ялом, И. Экзистенциальная психотерапия / И. Ялом. – М.: Класс, 2004. – 576 с.